

И.А.Мельников

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ СКИТЫ И КЕЛЬИ СЕВЕРО-ЗАПАДА НОВГОРОДСКОГО УЕЗДА В XIX ВЕКЕ

Статья знакомит с историей и культурой старообрядческих иноческих поселений, располагавшихся на северо-западе Новгородского уезда в XIX в. Большинство документов, задействованных в исследовании, вводятся в научный оборот впервые. Особенное внимание уделяется коммуникативной функции скитов и монастырей данной местности, их роли в сплочении старообрядческого сообщества региона, а также культурной ориентации на староверческие обители Выга, Санкт-Петербурга и Москвы.

Ключевые слова: старообрядчество, святые места, иночество, Новгородская губерния, скиты

Скиты и монастыри выполняли важную функцию сохранения и поддержания духовной жизни последователей старообрядчества. В каком-то смысле они были альтернативой «святых мест», находившихся под контролем официальной церкви, служили местом тайного паломничества и связи с более крупными центрами старообрядческих согласий. В статье содержится информация о скитах в имении Огорелье, на Отлизинском и Ильюшкином островах в XIX в. Она демонстрирует, насколько жизнь иноческих поселений описываемого региона была интегрирована в местный социокультурный ландшафт, каким образом тайные обители были связаны с другими регионами и, наконец, какими культурными образцами руководствовались скитона начальники в организации внутренней жизни этих сообществ.

Специальных публикаций, посвященных скитам данной местности, не имеется. Краткие сведения о ските на Ильюшкином острове содержатся в статье Л.В.Корольковой [1, с. 22-23]. Они воспроизводят данные отчета о состоянии «раскола» в Новгородской губернии сер. XIX в., а также публикаций в Новгородских епархиальных ведомостях 1890-х гг. В основу настоящего исследования положены вновь выявленные материалы, хранящиеся ныне в фондах РГИА и РГАДА. Вновь привлеченные материалы позволяют существенно детализировать историю скитов северо-запада Новгородского уезда.

Населенные пункты, располагавшиеся в этой глухой болотистой местности, уже в нач. XIX в. становятся локальными центрами иноческой жизни старообрядцев различных беспоповских согласий. Первым известным нам по документам поселением скитского типа здесь стал женский скит в имении Огорелье. Вероятно, обитель относилась к радикальному федосеевскому направлению, что устанавливается дальнейшими связями ее насельников с Пертозерским скитом Архангельской губернии, принадлежавшим к аристовскому толку. Она была устроена в 1808 г. помещицей Анной Александровной Карташевой (в монашестве Доминикой).

Личность дворянки-скитона начальницы достаточно интересна, чтобы рассказать о ней подробнее. Согласно рапорту благочинного Новгородского уезда, Анна Александровна была женой статского советника Григория Карташева, служившего секретарем некогда влиятельного графа Кутайсова. После гибели Павла I и падения временщика, семейство Карташевых пришло в упадок. Благочинный подчеркивал, что обращение помещицы в старую веру носило якобы корыстный характер. Когда она приняла старообрядчество, петербургский купец Котомин приобрел в безвозмездный дар Карташевой 1500 десятин земли в имении Огорелье, где она и устроила скит [2, л. 6-7]. Сама Анна Александровна подвизалась там с именем матери Доминики, полученным ею при постриге в иночество.

За организацию пустыни мать Доминика (Карташева) постоянно подвергалась преследованиям со стороны властей. Впервые узнав о существовании обители в 1821 г., Новгородское губернское правление направило в скит чиновника Казакевича и полицеймейстера Стромилова, которые составили его описание. Имение располагалось по соседству с Заверяжской вотчиной, в сторону от дороги, ведущей к д. Чаща. В уединенном месте стояла моленная «с малыми колоколами» и еще одно здание в расстоянии с четверть версты, похожее на богадельню. В нем жили «шесть немолодых женщин в самом слабом положении», которые занимались одним богомолением. Сама мать Доминика (Карташева) объяснила чиновникам, что она крестила всех своих детей в «старую веру», «а сверх сего <...> обращает она в секту сию, не токмо своих, но и сторонних людей, которые находятся все в ее доме и содержатся совершенно на ее иждивении; крещение; разрешение грехов, похороны людей чинятся обыкновенно по их обряду» [3, л. 1-1 об.]. Захоронения умерших скитниц совершались тут же, «возле дому ея обнесенном изгородью месте». Все посторонние люди «из недалних мест» жили в скиту с законными документами и занимались по мере сил хозяйственными делами [3, л. 1-1 об.].

Несмотря на то, что дознание 1821 г. так и не получило дальнейшего хода, оно обеспокоило Карташеву и насельниц обители. Приблизительно в это время она покинула скит и обосновалась в Петербурге в доме купца Ларионова. Одновременно с матерью Доминикой обитель покинула и ее дочь, Софья Григорьевна, удалившаяся на жительство в Архангельскую губернию [2, л. 6 об.]. В 1832 г. в заброшенном ските вместе с четырьмя крепостными проживал только 34-летний сын Карташевой, неслужащий канцелярист Григорий Григорьевич, страдавший падучей болезнью. Любопытно, что принятие «старой веры» отразилось на его внешнем облике,

который, по отзыву губернского начальства, сближал дворянина с представителями низших сословий: «платье носит на манер русского Купца, бороду не бреет» [2, л. 4 об.].

Участие дворян Карташевых в распространении «раскола» стало известно императору Николаю I. В 1832—33 гг. по его личному распоряжению имение Огорелье было взято под дворянскую опеку и надзор полиции, дочь Анны Александровны, Софья Григорьевна, объявлена в розыск, а сама бывшая скитоначальница принуждена к увещанию митрополитом Санкт-Петербургским и Новгородским Серафимом (Глаголевским) [3, л. 32]. Одновременно с этим у матери Доминики, продолжавшей и в столице носить иноческую одежду, была взята подписка, в которой она обязалась «не носить монашеского платья, а ходить в одежде, приличной благородной даме» [3, л. 39].

Постоянное давление полиции и пристальное внимание властей вынудило инокиню Доминику (Карташеву) продать имение в 1834 либо 1835 г. [3, л. 46-46 об.]. В дальнейшем она перебралась в Архангельскую губернию, где в упоминавшемся Пертозерском скиту была настоятельницей ее дочь Софья. Согласно данным Архангельского губернатора, разыскавшего Софью в 1833 г., она «имеет главное свое занятие в богомолении по правилам содержимой ею секты; другие же ее занятия, по окончании богомоления, состоят частью в женских рукоделиях и частью в ловле рыбы на озерах. Жизнь ведет скромную и уединенную, знакомство имеет с подобными себе староверами» [3, л. 44-44 об.]. В тихой обители дочери инокиня Доминика (Карташева) закончила свои дни в 1847 г. [4, с. 105-108]. К 1857 г. в Огорелье проживала лишь одна «раскольница» [5, л. 147], а скитская жизнь, вероятно, полностью умерла.

Практически одновременно со скитом в имении Огорелье возникли две федосеевские обители посреди болот на Отлизинском и Ильюшкином островах. Значительный материал, характеризующий историю возникновения и первые годы существования этих скитов, содержится в восьмитомном деле о «сворачивании в раскол» крестьян Тесовской волости, хранящемся в фондах РГАДА. Начатое в 1838 г., оно было окончательно решено лишь к 1858 г. В разбирательство были вовлечены десятки крестьян, чьи показания детализируют общую картину существования двух старообрядческих обителей на берегах оз. Тигода.

Расследование было спровоцировано доносом духовенства Успенского и Флоровского приходов. Особенное рвение в обнаружении скитов и моленных проявил пристав 5 стана Новгородского уезда Змиев, который доносил, что в Тесовской волости, помимо опечатанных моленных в д. Запередолье и д. Донец, «также есть заведены моленные в виде монастырей на острове между озера по одну сторону мужского, а по другую женского и вредных кладбищ где скрываются и люди без письменных видов» [6, л. 20].

Одно из «вредных кладбищ», обнаруженных приставом Змиевым, кажется, не должно было стать неожиданностью для губернских властей. Еще в марте 1812 г. по прошению крестьян д. Фенев Луг с дозволения Синода им было отведено место для захоронения старообрядцев, причем, с запретом что-либо на нем строить [7, л. 5-6]. Однако месяцем ранее поверенный от экономических крестьян Тесовской волости, Дмитрий Наумов, ходатайствовавший теперь об открытии кладбища, уже получил разрешение завести «хоромные строения и иметь жительство» для рыбной ловли на пустоши Отлизин остров [8, л. 35]. Вероятно, это и были первые скитские постройки, которые в дальнейшем превратились в женскую обитель.

Следствие 1830-х гг. установило дополнительные обстоятельства возникновения пустыни. Со слов 60-летней скитницы Прасковьи Корнеевой, родившейся в соседней д. Пристань, строения скита были заведены около 20 лет назад, то есть в 1810-е гг., причем изначально в них жили «какие-то неизвестные старики около 5 человек», в дальнейшем покинувшие остров [9, л. 42 об.]. Благодаря описанию пристава Змиева нам известно устройство обители. Отлизинский остров располагался на берегу оз. Тигода и был окружен болотистой местностью. Ко времени следствия, скитские строения включали шесть изб и крытую тёсом деревянную часовню величиной 1х1 сажени, выстроенную крестьянами д. Финев Луг Самсоном Евстигнеевым и Емельяном Наумовым [9, л. 22]. Она стояла на особо заведенном кладбище и была окружена деревянными надгробиями [8, л. 156]. В часовне стояли образа, опись которых приставы составили в июне 1839 г. [9, л. 22]. Впрочем, убранство кладбищенской моленной было довольно скромным.

В описываемый период на острове проживало от 5 до 13 женщин возрастом 44—60 лет, происходивших из соседних деревень, а также одна петербургская мещанка. Большинство насельниц были вдовами либо старыми девами и показывали в допросах, что исповедуются у неких «стариков», приезжающих из Поморья [9, л. 40-48]. В 1840 г. Новгородское губернское правление повелело разобрать моленную, имущество отдать в приходскую церковь, кельи уничтожить, а людей расселить по их месту жительства [10, л. 66об. - 67]. Такая участь постигла женский скит во многом потому, что его строения располагались на казенной земле, принадлежавшей Удельному ведомству. Соседнему мужскому скиту, обосновавшемуся на частной территории под видом дачи, посчастливилось просуществовать значительно дольше.

Федосеевский мужской скит на Ильюшкином острове, располагавшийся на противоположном от женского скита берегу оз. Тигода, был выстроен петербургским купцом Филиппом Андреевым на земле, купленной им в 1826 г. у титулярной советницы Натальи Марусиной [8, л. 161, 164-166]. Позже Андреев передал землю и постройки в ведение крестьянина деревни Усадищ Ивана Дорофеева, который и стал настоятелем обители. Скит, вероятно, закрывался властями и вновь возрождался в конце столетия. В итоге ему удалось просуществовать вплоть до начала XX в. (подробнее о ските на Ильюшкином острове и его книжном собрании см. [11, 12]).

Документальные свидетельства позволяют предположить, что на раннем этапе возникновения и существования скитов на Отлизинском и Ильюшкином островах они испытывали сильное культурное и вероучительное влияние северных поморских пустыней. На допросах не только насельники, но и окрестные крестьяне, среди которых было множество старообрядцев, утверждали, что исповедуются у «стариков», приезжающих из Поморья. При этом одни относили себя к «федосеевской секте», а другие утверждали, что когда-то заключали браки и исповедовались в петербургской богадельне на Малой Охте [13, л. 7; 14, л. 29-34 об.]. Уместно напомнить, что она имела тесные связи с Выговской пустыней [15, с. 5]. Устойчивые контакты крестьян с «поморскими странами» подтверждаются двумя письмами, обнаруженными в 1830-е гг. приставом в моленной д. Запередолье Тёсовской волости. Они содержат благодарность за пожертвования от насельников Иванковской и Топозерской пустыней Архангельской губернии [16, л. 40-41 об.].

Сам принцип «парного» расположения мужской и женской обителей не был редким в старообрядчестве. В данном случае, возможно, он демонстрирует ориентацию на традиции Выговской старообрядческой пустыни либо федосеевской Преображенской обители в Москве, которая, в свою очередь, позаимствовала архитектурную планировку у выговцев [17, с. 20].

Среди местных староверов, очевидно, не было полного единодушия в вероучительных вопросах. Большинство крестьян принадлежало к федосеевскому согласию, но были и те, кто заключал браки. В неизвестный нам конфликт между разными направлениями «старой веры» был втянут и начальник скита на Ильюшкином острове Иван Дорофеев. Об этом известно из письма некой Акулины Ивановны содержательнице домашней моленной в д. Запередолье Василисте Матвеевой, датированное 1858 г.: «Я наслышана что у вас нонче все по-новому, весьма желаю узнать, кто кому покорился — ваше общество нашему или наше вашему. Где и как дело началось и чем кончилось и вы в том ли союзе или нет. Что с нами единогласны, говорят, что Ивана Дорофеича все семейство с вами единогласны» [18, л. 302 об.-303]. Возможно, речь шла о признании браков либо других разногласиях в среде беспоповцев. Проводниками различных точек зрения в вероучительных вопросах могли быть также наставники и иноки, жившие в окрестных деревнях.

Стоит отметить, что и за пределами скитов иночество было заметным явлением повседневной жизни местных крестьян. Так, во время дознания 1830—40-х гг. пристав Змиев застал похороны наставника д. Жилое Рыдно Василия Романова, известного в округе как отец Вассиян. Во время отпевания полицейский «нашел его одетого в черное монашеское платье, покрытого черным покрываемым на голове монашеской клобук» [6, л. 60-62]. Любопытно, что спустя десятилетие имя отца Вассияна появляется вновь на страницах отчета чиновника Ю.К.Арсеньева, причем речь идет о 42-летнем крестьянине д. Жилое Рыдно Василии Фролове. В отчете он отмечен, как живой и здравствующий распространитель «раскола», «который отправляет богомоления у зажиточных крестьян» и, вместе с братом Кузьмой, пользуется большим влиянием в Тёсовской волости [19, л. 249]. Вероятно, и в первом, и во втором случае речь идет об одном лице, а становой пристав слишком рано «похоронил» отца Вассияна. Остается лишь строить предположения, имеем ли мы дело с ошибкой полицейских чиновников или с сознательным обманом со стороны крестьян.

Небольшой скит также фиксировался документами близ д. Корешно. О нем известно крайне мало. В 1841 г. здесь проживало 4 мужчины и 2 женщины, он же отмечен в общих ведомостях за 1842 г. [20, л. 435]. Вероятно, возникновение этой обители связано с деятельностью инока Палладия. В миру он был петербургским мещанином Петром Васильевым, в 1840-е годы переселился в помещичью д. Корешно, где на краю выстроил моленную и, вероятно, проживал при ней. Предлагая выслать инока, Ю.К.Арсеньев отмечал, что отец Палладий пользуется большим уважением крестьян, «не оставаясь на одном месте, непрерывно является в разных местах, проповедуя опасные бредни раскола» [19, л. 249 об.]. Скорее всего, иноков в данной местности проживало гораздо больше, однако далеко не все документы отражают принадлежность наиболее выдающихся деятелей местного староверия к монашескому чину.

В то время, как некоторые из иноков жили среди крестьян, в обителях на Отлизинском и Ильюшкином островах, в свою очередь, проживали трудники, как правило, из местных жителей. Например, крестьянин д. Пристань Агей Никонов занимался приготовлением пищи в скиту на Ильюшкином острове, а крестьянин д. Донец Семен Игнатьев работал приказчиком у попечителя Филиппа Андреева [8, л. 53-53 об., 161]. Насельники мужской и женской обители при этом могли состоять в родственных связях. Так, 50-летняя крестьянка д. Донец Марья Федорова, проживавшая в купленном доме на Отлизинском острове, была женой Василия Алексева, обитавшего в мужском скиту [8, л. 53]. Очевидно, что старообрядческие обители были тесно интегрированы в жизнь местного сельского социума за счет хозяйственных и родственных связей, обеспечивавших им поддержку крестьян.

Несмотря на действия церковных и светских властей, скиты, появлявшиеся в уединенных уголках болотного массива северо-запада Новгородского уезда, на протяжении столетия являлись важными духовными центрами местного старообрядчества. Именно иноческие поселения данного региона выполняли важнейшую коммуникативную функцию. В тесное общение вовлекались попечители и богомольцы, приезжавшие в скиты из Санкт-Петербурга и Новгорода, были налажены контакты с удаленными северными обителями Олонецкой и Архангельской губерний. С другой стороны, основу насельников скитов составляли местные крестьяне, связанные друг с другом трудовыми и семейными отношениями. Таким образом, обители были местом, в котором устанавливались контакты окрестного населения, попечителей и собратьев по вере из других регионов.

Обращает на себя внимание сословное разнообразие руководителей и насельников обителей: это не только крестьяне, но и мещане, купечество, в том числе столичное, и даже дворянство. В каком-то смысле, скиты являлись также местом межсословных контактов, в основе которых лежала общность веры, что не могло лишний раз не укреплять ее авторитет в глазах верующих.

Коммуникативный аспект существования старообрядческих центров серьезно волновал чиновников. Не случайно Ю.К.Арсеньев, приписывая «монастырям» особую роль в достаточно быстром распространении «раскола» на территории Новгородского уезда, отмечал, что совместные собрания староверов разных регионов, происходившие в обителях, «крайне вредны, ибо поддерживают столь свойственное сектаторам братство и делает союз их более прочным, более обширным. Они, при свиданиях, передают друг другу свои планы и надежды и так сказать взаимно укрепляются в упорстве и заблуждениях» [19, л. 206об.]. Именно поэтому скиты в первую очередь попали под удар репрессивной имперской политики сер. XIX в.

Концентрация обителей в одной местности связана, очевидно, с труднодоступностью болотистой местности. С другой стороны, эта территория располагалась между двух крупных городов, неподалеку находились ямские станции, что облегчало контакты как с северной столицей, так и с Новгородом.

Внутренняя жизнь обителей была обусловлена их тесными контактами с приезжими богомольцами, которые могли проживать здесь подолгу. Федосеевские иноческие поселения на Отлизинском и Ильюшкином островах, вероятно, на раннем этапе существования испытывали сильное влияние пустыней Олонецкой и Архангельской губерний, Преображенского богаделенного дома в Москве, а также Волковского и Малоохтинского кладбища в Санкт-Петербурге.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта №19-312-60001 «Искусство средневекового Новгорода в контексте старообрядческой культуры XVIII—XX вв.: предметы из собрания общин старообрядцев Северо-Запада в коллекции Новгородского государственного объединённого музея-заповедника».

1. Королькова Л.В. Материалы к этноконфессиональной карте Ленинградской области // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий-2. Третьи Шёгреневские чтения. СПб.: Европейский дом, 2009. С. 11-32.
2. РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 1026.
3. РГИА. Ф. 1284. Оп. 196-1831 г. Д. 41.
4. Хрушкая Л.Н. К истории Пертозерского старообрядческого скита в Кемском уезде Архангельской губернии // Старообрядчество: история, культура, современность. Великий Новгород, 2010. С. 102-117.
5. РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1792.
6. РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1793.
7. РГИА. 1284. Оп.195-1812 г. Д. 12.
8. РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1795.
9. РГИА. Ф. 1284. Оп. 198-1840 г. Д. 126.
10. РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1796.
11. Мельников И.А. Личность книжника и общинные книжные собрания в старообрядчестве: инок Киприан и библиотека скита на Ильюшкином острове // Slavistica Vilnensis. 2021. Vol. 66(2). P. 78-92.
12. Мельников И.А. Авторский рукописный сборник конца XIX века старообрядческого инока Киприана (Созонова) // Slavistica Vilnensis. 2021. Vol. 66(2). P. 151-157.
13. РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1794.
14. РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1797.
15. Раскол в Петербурге: Поморское кладбище и моленная на Малой Охте // Петербургский листок. 1897. № 305. С. 5.
16. РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1799.
17. Русакомский И.К. Ансамбль за Преображенской заставой конца XVIII — начала XIX в. // Культурное наследие староверов Преображенского монастыря. Сборник материалов. М., 2019. С. 12-29.
18. РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 3273.
19. РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480 в.
20. РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 92.

References

1. Korol'kova L.V. Materialy k etnokontsional'noy karte Leningradskoy oblasti [Materials for the ethnoconfessional map of the Leningrad region]. Etnokontsional'naya karta Leningradskoy oblasti i sopredel'nyh territoriy-2. Tret'i Shyogrenovskie chteniya. Saint Peterburg, 2009, pp. 11-32.
2. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. F. 815. Op. 16. D. 1026.
3. RGIA [RSHA]. F. 1284. Op. 196-1831 g. D. 41.
4. Hrushkaya L.N. K istorii Pertozerskogo starobryadcheskogo skita v Kemskom uезде Arhangel'skoy gubernii [To the history of Pertozersky old believer sket in the Kemsky district of the Archangelsk province]. Starobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'. Velikiy Novgorod, 2010, pp. 102-117.
5. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA)]. F. 1431. Op. 1. D. 1792.
6. RGADA [RSAAA]. F. 1431. Op. 1. D. 1793.
7. RGIA [RSHA]. 1284. Op.195-1812 g. D. 12.
8. RGADA [RSAAA]. F. 1431. Op. 1. D. 1795.
9. RGIA [RSHA]. F. 1284. Op. 198-1840 g. D. 126.
10. RGADA [RSAAA]. F. 1431. Op. 1. D. 1796.
11. Mel'nikov I.A. Lichnost' knizhnika i obshchinnye knizhnye sobraniya v starobryadchestve: inok Kiprian i biblioteka skita na Il'yushkinom ostrove [The Personality of the Scribe and Communal Book Collections in the Old Belief: Monk Cyprian and the Library of the Skete on the Ilyushkin Island]. Slavistica Vilnensis, 2021, vol. 66(2), pp. 78-92.

12. Mel'nikov I.A. Avtorskiy rukopisnyy sbornik staroobryadcheskogo inoka Kipriana (Sozonova) [The author's handwritten miscellany of the Old Believer monk Cyprian (Sozonov)]. Slavistica Vilnensis, 2021, vol. 66(2), pp. 151-157.
13. RGADA [RSAAA]. F. 1431. Op. 1. D. 1794.
14. RGADA [RSAAA]. F. 1431. Op. 1. D. 1797.
15. Raskol v Peterburge: Pomorskoe kladbishche i molennaya na Maloy Ohte [Dissent in Peterburg: Pomorian cemetery and prayer house in Malaya Okhta]. Peterburgskiy listok, 1897, no. 305, p. 5.
16. RGADA. F. 1431. Op. 1. D. 1799.
17. Rusakomskiy I. K. Ansambl' za Preobrazhenskoy zastavoy konca XVIII — nachala XIX v. [Ensemble behind the Preobrazhenskaya outpost of the end of 18 — early 19th century]. Kul'turnoe nasledie staroverov Preobrazhenskogo monastyrya. Sbornik materialov. Moscow, 2019, pp. 12-29.
18. RGADA [RSAAA]. F. 1431. Op. 1. D. 3273.
19. RGIA [RSHA]. F. 1284. Op. 208. D. 480 v.
20. RGIA [RSHA]. F. 1473. Op. 1. D. 92.

Mel'nikov I.A. Old Believer monasteries and cells of the north-west of the Novgorod district in the 19th century. The article introduces the history and culture of the Old Believer monastic settlements located in the north-west of the Novgorod district in the 19th century. Most of the documents involved in the research are being introduced into scientific circulation for the first time. Particular attention is paid to the communicative function of the sketes and monasteries of this area, their role in rallying the Old Believer community of the region, as well as the cultural orientation of the monasteries to the Old Believer monasteries of Vyg, St. Petersburg and Moscow.

Keywords: Old Believers, sacred places, monasticism, the Novgorod region, sketes.

Сведения об авторе. Илья Андреевич Мельников — кандидат культурологии; Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, научный сотрудник; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и социокультурных исследований; ORCID: 0000-0003-4962-0705; potep_88@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.02.2022. Принята к публикации 01.03.2022.

Ссылка на эту статью: Мельников И.А. Старообрядческие скиты и кельи северо-запада Новгородского уезда в XIX веке // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 2(41). С. 176-180. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.2(41).176-180

For citation: Mel'nikov I.A. Old Believer monasteries and cells of the north-west of the Novgorod district in the 19th century. Memoirs of NovSU, 2022, no. 2(41), pp. 176-180. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.2(41).176-180